

Когда зазвучали первые такты румбы, он невозмутимо подошел к Чжао Юй, слегка поклонился и с улыбкой протянул ей руку.

Сяо Цзюньгу повел ее на танцпол, приговаривая:

— Ну и жестокая же ты. Пропала на несколько месяцев, я чуть тоской не заболел.

В тот вечер на Чжао Юй было простое белое платье с открытой спиной. Ее длинные волосы развевались, и, кружась в танце, она напоминала нежную, изящную лилию. Она иронично закатила глаза:

— Оставь свои любезности. Иди флиртуй со своей возлюбленной, а меня не трогай.

Сяо Цзюньгу бросил беглый взгляд в угол зала и с самоиронией ответил:

— С тобой флиртовать безопаснее. По крайней мере, не получу по лицу.

Чжао Юй рассмеялась. Пока она двигалась в такт музыке, ее лицо сияло радостью. Она была настоящей красавицей — из тех, кто может позволить себе выйти к объективам камер без грамма косметики. Когда она смеялась, на щеках появлялись ямочки, а глаза светились так ярко, что на нее было приятно смотреть.

Сяо Цзюньгу знал Чжао Юй больше десяти лет. Их семьи дружили поколениями, они вместе учились во Франции, у них были схожие интересы. После долгих лет, проведенных за границей, они стали по-настоящему близкими друзьями.

Не видевшись два месяца, Чжао Юй, конечно, не могла не проявить участия и заодно не посплетничать:

— Ну, как у тебя с ним? Есть прогресс? Когда уже наконец возьмешь крепость приступом? Я прямо места себе не нахожу, переживаю за тебя.

— Премного благодарен. Ты вечно так же переживаешь за героев корейских сериалов.

Чжао Юй нарочно наступила ему на ногу:

— Не понимаю тебя. Ты что, чуда ждешь?

Сяо Цзюньгу опустил взгляд и улыбнулся:

— Может быть. Мне достаточно того, что я сам всё понимаю.

Он кружил Чжао Юй в танце, но мысли его были далеко. В голове сама собой всплыла фраза: каждый пьет воду из своего источника — и только он один знает, холодная она или горячая.

Глава 10: Приступ

Чжан Вэйдун сегодня перебрал.

Он не пытался намеренно утопить горе в вине, просто от скуки выпил лишнего. Коктейли оказались коварными, и к тому моменту, как он осознал, что пьян, в голове уже стоял туман.

Подошла Чжоу Ли и поставила перед ним стакан содовой:

— Нас никто не приглашает на танец, давай составим компанию друг другу?

Чжан Вэйдун поднял на нее глаза. Чжоу Ли была в черном вечернем платье с высоким воротом, волосы собраны в пучок, на носу — привычные очки в черной оправе. Вылитая чопорная старая дева. Он никогда не умел общаться с женщинами, но и обижать их не хотел. Встав, он отодвинул для нее стул:

— Садись.

Чжоу Ли с готовностью села и, повернувшись к нему, сказала:

— Босс просил тебя пить поменьше, иначе он сам повезет тебя домой.

Лицо Чжан Вэйдуна мгновенно помрачнело. Не говоря ни слова, он залпом осушил еще один стакан.

Чжоу Ли покосилась на него:

— Босс делает это ради тебя. Даже если тебя балуют, всему есть предел.

— Не упоминай его при мне, — холодно бросил Чжан Вэйдун.

Чжоу Ли фыркнула. Ей была неприятна такая манера поведения. Неужели так трудно просто быть рядом со Сяо Цзюньгу? Обязательно нужно устраивать драму.

Понимая, что больше пить нельзя, Чжан Вэйдун решил сходить в уборную, а затем сразу сесть за руль и уехать домой.

Он уже собрался попрощаться с Чжоу Ли, как вдруг услышал знакомую мелодию. Тело его мгновенно окаменело, словно его поразило молнией. Чжан Вэйдун с рождения обладал тонким музыкальным слухом и феноменальной памятью: стоило ему услышать хоть какой-то мотив, он запоминал его навсегда.

В этот момент у трибуны в банкетном зале толпа шумно подбадривала кого-то, слышался смех.

Сяо Цзюньгу, нехотя сидя на сцене, держал в руках акустическую гитару. Он дернул за струны и замер.

Его вытолкнули выступать насильно, и он был явно обескуражен отсутствием подготовки.

Чжао Юй, тоже поддавшись общему настроению, подошла к сцене, приподняла подол платья и в шутовском поклоне обратилась к Сяо Цзюньгу:

— Господин, не могли бы вы исполнить что-нибудь для меня?

Сяо Цзюньгу рассмеялся. Видя, как воодушевлены коллеги, он сдался:

— Хорошо, красавица. Только одну песню.

Он привычным движением подстроил гитару, пару раз проверил звук и начал играть.

Свет в зале приглушили, оставив освещенной только сцену. Сяо Цзюньгу перебирал струны с легкой улыбкой на губах. В такой обстановке, среди звездного света, он выглядел очень даже достойно.

Однако стоило ему запеть, как у всех отвисли челюсти.

Никто бы не подумал, что утонченный, элегантный мужчина будет петь такую пошлую и устаревшую попсу, как Мыши любят рис.

Глядя на серьезное лицо Сяо Цзюньгу, люди в зале хотели рассмеяться, но сдерживались, до боли сжимая челюсти.

К счастью, голос у него был приятный, чистый и глубокий, так что слушать его было даже отрадно.

В его пении чувствовалась история. Каждая строчка звучала как шепот, как признание, которое он рассказывал под простые аккорды.

Чжоу Ли, сидевшая далеко от сцены, изумленно поправила очки:

— Боже мой, что это с боссом? Всё, завтра это станет главной темой для сплетен в компании.

Чжан Вэйдун молчал. Он вцепился в край стола так, что побелели костяшки, а мышцы на лице непроизвольно подергивались.

Музыка не только пробуждает воспоминания, она делает прошлое ярким и болезненным.

Перед глазами Чжан Вэйдуна возникла картина: берег Жемчужной реки, два подростка сидят на рыбацком мостике, болтая босыми ногами в воде. Это было много лет назад, перед тем как Сяо Цзюньгу должен был уехать учиться за границу. Они приехали к реке на велосипедах, и Сяо Цзюньгу вдруг указал на дамбу: Давай я подарю тебе прощальный подарок прямо здесь.

Старая гитара, один человек и песня у реки.

Я помню человека, который навсегда остался в моем сердце, даже если я могу только так думать о тебе...

Тогда он огрызнулся:

— Что за сопли? Я тебе не девчонка.

Сяо Цзюньгу, прерванный на полуслове, лишь добродушно улыбнулся:

— Нашло вдохновение, а подходящей песни не нашлось. Слушай что есть.

Чжан Вэйдун тихо дослушал песню до конца. В преддверии разлуки, помимо грусти и нежелания расставаться, он почувствовал тепло на душе.

Сяо Цзюньгу повернулся к нему, глядя прямо в глаза:

— Дунцзы, я обязательно вернусь за тобой.

— Конечно. Во Франции девки фигуристые, небось выжмут из тебя все соки, — Чжан Вэйдун ухмыльнулся и толкнул его локтем, добавив несвойственную ему сентиментальность: — Мы же братья, в этой жизни и в следующей, верно?

Сяо Цзюньгу опустил глаза и тихо ответил:

— Верно. Хорошие братья.

У Чжан Вэйдун было тяжелое детство: ни отца, ни матери, а дядя с тетей вызывали лишь отвращение у окружающих. Поэтому он рос угрюмым и необщительным. Он не хотел заводить друзей — слишком часто те, кто называл его братом в лицо, за спиной плевали в него и называли сыном шлюхи.

Пока у него не было сил добиться признания, единственным способом защитить свое достоинство были кулаки.

Он постоянно дрался, прослыл отъявленным хулиганом, соседи плевали ему вслед, шепча, что яблоко от яблони недалеко падает: старшие бесстыжие, младший — негодяй, одного поля ягоды.

На самом деле Чжан Вэйдун никогда не делал ничего плохого. Даже когда от голода приходилось жевать пустые паровые булочки, он не воровал и не обманывал. Не потому, что боялся, а потому, что гордость не позволяла. Он не хотел опускаться на дно из-за чужого презрения. Лучшей мстью было когда-нибудь встать на вершину и посмотреть на них сверху вниз, доказав фактами: вы ошибались!

Он мог защитить себя, но не мог закрыть людям рты и противостоять общественному мнению.

Чжан Вэйдун давно привык держать спину прямо и смотреть трудностям в лицо — отступить ему было некуда.

Но он никогда не думал, что в его жизни появится человек, который встанет перед ним и скажет: Чжан Вэйдун — мой брат, кто пойдет против него, пойдет против меня!

Поначалу этот человек был самым ярким солнцем в его жизни, но позже превратился в самый разрушительный шторм.

Он наивно верил, что братство — это навсегда, что его не развеет ветер и не смоет дождь, что никакие расстояния не смогут его разрушить.

Позже реальность показала ему: всё это чушь собачья!

Теперь, когда он слышит слово брат, его тошнит так, что хочется выплюнуть кровь.

Самое большое сожаление в жизни Чжан Вэйдун — это то, что он встретил человека по имени Сяо Цзюньгу и стал с ним названным братом!

Бутылка шампанского, прилетевшая откуда-то сверху, разбилась о занавес сцены, прервав выступление.

Все были в шоке. Даже Сяо Цзюньгу опешил. Взглянув поверх толпы, он увидел виновника: глаза Чжан Вэйдун налили кровью, от него исходила яростная аура. Поняв, что дело плохо, он бросил гитару и спрыгнул со сцены.

Чжан Вэйдун хотел разбить бутылку об голову Сяо Цзюньгу, но из-за алкоголя промахнулся, поэтому просто бросился на него с кулаками.

Он пошатываясь рванул к Сяо Цзюньгу, тот сделал шаг навстречу, и они сцепились.

Чжан Вэйдун схватил Сяо Цзюньгу за плечи, ударил коленом в живот, а затем боднул лбом в

лицо. В зале слышались крики. Сяо Цзюньгу с силой ударил Чжан Вэйдуна в висок, захватил его шею в замок и насильно потащил прочь из зала.

Праздник был испорчен. Все молча смотрели, как они уходят, не зная, что делать.

Чжао Юй и Чжоу Ли поспешили вмешаться: одна на сцене, другая в зале, пытаясь разрядить обстановку.

Справиться с пьяным дебоширом было непросто, Сяо Цзюньгу выложился так, что у него заныли десны. Когда они вышли из лифта в холл отеля, двое охранников попытались помочь, но Сяо Цзюньгу одарил их таким ледяным взглядом, что они отступили. Он прорычал:

— Прочь! Не трогайте его!

Когда Чжан Вэйдуна запихнули в машину, он был в полубессознательном состоянии. Перед глазами всё плыло в кровавых тонах.

Словно попав в вязкое болото, он изо всех сил сопротивлялся, тяжело дыша.

Сяо Цзюньгу вдавил его в заднее сиденье и натянул ремень безопасности так сильно, что тот перетянул грудь и ноги. Чжан Вэйдун забился еще яростнее, издавая звуки, похожие на звериный рык.

Путь домой был опасным. Чжан Вэйдун вырвал ноги из ремня и начал со всей силы пинать спинку водительского сиденья.

— Сяо Цзюньгу! Ублюдок! Сдохни! Сдохни...

Удары были такими сильными, что машину швыряло из стороны в сторону. Сяо Цзюньгу с трудом удерживал руль. Едва доехав до жилого комплекса, он обнаружил, что борта машины покрыты царапинами.

Сяо Цзюньгу открыл заднюю дверь, чтобы вытащить Чжан Вэйдуна, но получил удар ногой в грудь.

Внутри всё кипело от тревоги. Потирая ушибленную грудную клетку, он снова залез в салон, прижал Чжан Вэйдуна и ударил его в живот!

Чжан Вэйдун охнул и согнулся пополам, наконец затихнув.

Сяо Цзюньгу полуобняв-полуволоком дотащил его до квартиры, уложил на пол в прихожей, нашел таблетки и силой разжал ему челюсти. Чжан Вэйдун продолжал тяжело дышать, словно у него случился приступ астмы, тело судорожно дергалось, а на шее вздулись вены.

Сяо Цзюньгу опустился на колени, подхватил его под мышки, прижал к себе, похлопал по щекам и начал массировать виски:

— Дунцзы, Дунцзы? Ты слышишь меня? Всё хорошо, расслабься, дыши... Вот так, всё прошло, закрой глаза и ни о чем не думай.

Чжан Вэйдун опустил голову ему на грудь. Под воздействием лекарств эмоции постепенно утихали, лишь изредка тело вздрагивало, а взгляд оставался остекленевшим. Сяо Цзюньгу крепко обнял его и с облегчением выдохнул, чувствуя себя так, будто только что выиграл войну.

Он не ожидал, что у Чжан Вэйдуна начнется приступ — это была его ошибка.

Внутри Чжан Вэйдуна тикала бомба под названием Прошлое. Стоило ее задеть, как последствия могли быть непредсказуемыми: во время приступа он превращался в безумца, готового уничтожить всё вокруг, включая самого себя.

Сяо Цзюньгу подумал, что если бы Чжан Вэйдун не напился, он мог бы и не справиться. Впредь нужно всегда носить лекарства с собой.

На следующий день по компании поползли слухи.

Что связывает Сяо Цзюньгу и Чжан Вэйдуна? Многих это интересовало.

На празднике было очевидно, что их отношения выходят за рамки обычных, но при этом компания не оказывала Чжан Вэйдуну никаких особых знаков внимания, не было и намека на то, что его собираются сделать звездой — отношение к нему было даже хуже, чем к перспективным новичкам.

И тогда начались домыслы. Хаммер, на котором ездил Чжан Вэйдун, стоил полмиллиона. Одежда — не брендовая, но сшитая на заказ. Кто-то узнал его часы: точь-в-точь как у Сяо Цзюньгу, лимитированная серия Jaeger-LeCoultre. Только у Сяо Цзюньгу они были из белого золота, а у Чжан Вэйдуна — из черной стали.

Сплетники провели расследование и вынесли вердикт: Чжан Вэйдуна кто-то содержит!

Даже если спонсор не Сяо Цзюньгу, это явно умный человек, который понимает, что у Чжан Вэйдуна нет таланта и он быстро вылетит из шоу-бизнеса, поэтому не тратит деньги на его раскрутку.

Вывод был логичным. Когда Чжан Вэйдун услышал это впервые, лицо его позеленело — он не боялся ответственности и ему было плевать, что думают об их отношениях со Сяо Цзюньгу. Его ранило другое: отсутствие возможности доказать, на что он способен!

Это было больше всего.

Он столько лет работал над музыкой, столько готовился, и ему не хватало всего одного шанса, одного-единственного шанса.

Глава 12: Друг

Чжан Вэйдун только что закончил съемки в рекламе модного бренда.

До следующей встречи оставалось два часа, и он решил где-нибудь убить время.

На нем был жилет без рукавов, темно-зеленые широкие брюки и черные армейские ботинки. В темных очках он вальяжно расхаживал по улице, приковывая к себе взгляды. Сяо Ба плелся следом, с аппетитом доедая пирожок с красной фасолью, купленный в Макдональдсе.

Увидев, что Чжан Вэйдун заходит в игровой зал, Сяо Ба удивился.

Пока Чжан Вэйдун менял деньги на жетоны, он быстро достал телефон:

— Босс Сяо, брат Дун зашел в игровой зал, поменял кучу жетонов, похоже, собирается

зависнуть здесь надолго.

Сяо Цзюньгу не удивился. Помолчав секунду, он рассмеялся:

— Он ничуть не изменился. Понял.

Чжан Вэйдун действительно хотел оторваться. Раньше, когда ему было плохо, он всегда приходил в игровые залы. Погружаясь в мир игры, он забывал о всех неприятностях. Лучше всего он играл в Короля бойцов, знал все версии, и в районе Юэсю в Гуанчжоу его считали непобедимым.

Сяо Ба тоже умел играть, но лишь поверхностно. Стоя за спиной Чжан Вэйдуна и наблюдая за его боями, он не мог закрыть рот от изумления: Чжан Вэйдун был агрессивен не только в жизни, но и в игре. Под его управлением персонаж Ягами Иори превращался в настоящего маньяка-убийцу.

Чжан Вэйдун не вставал с места, противники сменялись один за другим. Вокруг собралась толпа, молодые парни бросали жетоны, ожидая своей очереди, чтобы сразиться с ним. Сяо Ба подошел ближе к Чжан Вэйдуну, чтобы все видели, что они вместе, и почувствовал гордость.

Чжан Вэйдун был полностью поглощен игрой, когда кто-то похлопал его по плечу. Он обернулся, замер и снял очки.

— Ха, так и знал, что это ты, большая звезда! — сказал мужчина.

Чжан Вэйдун просиял, даже игру забросил. Он встал и ударил друга в грудь:

— Даху!

Чжан Вэйдун не видел Даху много лет и едва узнал его. Даху заплел черные волосы в косички, завязав их лентой, отрастил густую бороду и вставил серебряное кольцо в губу, что придавало ему бунтарский, дерзкий вид.

Сяо Ба снова был в шоке: он впервые видел, чтобы Чжан Вэйдун был так искренне рад кому-то.

Даху был не только одноклассником Чжан Вэйдуна, они вместе играли в группе. Он был одним из немногих его друзей.

Группа называлась Белый Волк, кроме них двоих в нее входили Сяо Цзюньгу и младший брат-близнец Даху — Сяоху.

В ресторане с хого Чжан Вэйдун внимательно осмотрел Даху и вынес вердикт:

— Неплохо выглядишь.

Даху покосился на него:

— Что значит неплохо? Куда мне до тебя, у тебя даже приспешники появились.

— По крайней мере, выглядишь достаточно побитым жизнью, сразу видно — творческий человек. Как сам? — спросил Чжан Вэйдун.

Даху отпил ледяного пива и промолчал.

Подали бульон, повалил густой пар. Они начали кидать ингредиенты в котел.

Даху увидел, что Чжан Вэйдун ест только из острой части котла. Он макнул палочки в бульон, попробовал и закашлялся от остроты:

— Ты так и голос сорвешь, зачем так мучиться?

Чжан Вэйдун замер, затем криво усмехнулся:

— Если я не пою, зачем мне голос?

Даху пристально посмотрел на него, отложил палочки и вздохнул:

— Я сейчас басист, немного известен в узких кругах. Постоянно мотаюсь по стране, где есть выступления, туда и еду...

— Разве это не здорово? — вставил Сяо Ба.

— Что тут хорошего? Деньги есть, только когда есть концерты, а когда нет — сидишь голодный. Никакой стабильности. Жена давно просит сменить профессию, говорит, что даже водителем работать лучше, чем заниматься музыкой. Но я не могу бросить. В прошлом году она забрала сына и уехала к матери, больше не хочет меня видеть.

У Чжан Вэйдуна пропал аппетит. Он тоже отложил палочки:

— Даху, ради мечты жертвовать семьей — не всегда стоит того.

Даху похлопал его по плечу:

— Я знаю, что делаю. И не делай такое кислое лицо. Мы хоть и не молоды, но пока есть время, надо держаться, иначе так и пройдет вся жизнь.

Чжан Вэйдун знал, что он его утешает. Он приободрился, и они перевели разговор на школьные годы, вспоминая кучу нелепых историй. Три взрослых мужика ели, пили и смеялись. Час пролетел незаметно. Сяо Ба встал и напомнил, что пора на съемки.

Чжан Вэйдун обменялся с Даху номерами телефонов и первым оплатил счет.

Сяо Ба заметил, что, выйдя из ресторана, Чжан Вэйдун притих. Настроение его упало, в машине он смотрел в окно, погрузившись в свои мысли.

Сяо Ба отрыгнул и спросил:

— Брат Дун, о чем думаешь?

Чжан Вэйдун не ответил. Он думал об одном человеке — о Сяоху.

Даху и Сяоху были близнецами, но по характеру — полные противоположности. Даху был похож на наглого хулигана, а Сяоху — на робкого трусишку. Они были очень близки, почти неразлучны. В группе все любили подшучивать над Сяоху, и тогда их жизнь была наполнена смехом.

Позже, перед самым выпуском, когда расставание стало неизбежным, они поклялись, что группа Белый Волк никогда не распадется.

<http://bllate.org/book/20766/2083744>